Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика.

„Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!“

Э. Вандервельде.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Цѣна 20 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета
Совѣтовъ Р., С., Кр. и Казач. Депутатовъ.

МОСКВА.—1918.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на другой день послѣ выборовъ, въ первый разъ проведшихъ въ бельгійскій парламентъ депутатовъ-соціалистовъ, на митингѣ въ Марсенеллѣ (Шарлеруа) я былъ вынужденъ прервать оратора-католика, страшно нападавшаго на революціонеровъ 1871 года, крикнувъ: «Да здравствуетъ Коммуна!»:

Этотъ возгласъ произвелъ скандалъ, и спустя нѣкоторое время мои товарищи изъ Шарлеруа просили меня прочесть въ томъ же самомъ помѣщеніи рефератъ на тему: «революція 18-го марта».

Я принялъ это приглашеніе и прочелъ слѣдующее:

«Спросите буржуа, что такое Парижская Коммуна, и онъ съ негодованіемъ будетъ говорить о пожарахъ или избіеніи заложниковъ.

Но заговорите о Коммунѣ съ рабочимъ-соціалистомъ, и онъ вамъ скажетъ, что Коммуна—это первое побѣдоносное возрожденіе пролетаріата, за которымъ, къ сожалѣнію, тотчасъ же послѣдовали жестокія репрессіи.

Если Коммуна вызвала чувство негодованія у буржуа, зато въ рядахъ пролетаріата она возбудила сначала надежду, а послѣ ея подавленія крикъ мести.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время пребыванія въ Парижѣ, я посѣтилъ кладбище Пэръ-Ла-Шезъ, гдѣ пали послѣдніе борцы Коммуны и гдѣ они были погребены. Въ настоящее время стѣна, у подножья которой были разстрѣляны Коммунары и гдѣ сдѣлана надпись: «Да здравствуетъ Коммуна! Отмстимъ за нихъ!», является кровавымъ воспоминаніемъ ужасныхъ дней. Этотъ памятникъ, воздвигнутый героямъ Коммуны, не является ли доказательствомъ того, что нельзя уничтожить соціализмъ, разстрѣливая его защитниковъ?

Федералисты 1871 года возродились въ своихъ сыновьяхъ, и въ то время, какъ я говорю съ вами, я вспоминаю великолѣпную и мрачную картину «Шамбаръ»,—произведеніе неизвѣстнаго великаго художника,—на которой изображены федералисты, возставшіе изъ общей могилы, столпившіеся у стѣны кладбища и размахивающіе въ сторону Парижа огромнымъ знаменемъ цвѣта пролитой крови.

И вспоминая ихъ кратковременную побѣду, я думаю, что въ исторіи Коммуны будутъ забыты слабости и недостатки вожаковъ и отсутствіе организаціи въ массѣ, и это движеніе будетъ разсматри-

ваться, какъ первая пролетарская революція, которая имѣла успѣхъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль.

Воспоминаніе о томъ счастливомъ времени, когда пролетаріатъ въ первый разъ увидалъ красное знамя, развѣвающееся надъ Парижемъ, сохранится навѣки, и, несмотря на печальныя событія, связанныя съ нимъ, 18-е марта должно всегда праздноваться и привѣтствоваться возгласомъ: «Да здравствуетъ Коммуна!»

То, что я скажу здѣсь, не является апологіей Коммунѣ, я не хочу изображать ее невѣрными красками. Я покажу ее такою, какою она была на самомъ дѣлѣ, не скрывая ея недостатковъ; и насколько позволяютъ мои чувства, я ограничусь хладнокровнымъ изложеніемъ фактовъ.

Парижъ послѣ осады.

Въ началѣ марта 1871 года Парижъ испыталъ ужасы осады; онъ находился подъ давленіемъ перенесенныхъ пораженій и подозрѣваемыхъ измѣнъ. Собраніе депутатовъ въ Версалѣ обнаружило стремленія, діаметрально противоположныя требованіямъ парижскаго населенія. Это было, какъ говорилъ Кремьэ, владычество крестьянъ, которые травили Гюго и оскорбляли Гарибальди.

На одной сторонѣ находился республиканскій Парижъ, на другой монархическая Франція. Въ рукахъ жителей Парижа находились ружья и пушки для защиты республики; въ рукахъ Версаля—оружіе для ея подавленія. Замѣтьте также, что болѣе 100.000 буржуа покинули городъ послѣ осады; въ Парижѣ оставались только рабочіе и мелкая буржуазія. Предъ ихъ глазами стояли призракъ голода, неизбѣжное разореніе и безжалостные кредиторы.

При такихъ условіяхъ національное собраніе объявило, что нужно платить въ срокъ за квартиры и по взысканіямъ, а также и всѣ недоимки. Съ 13-го по 16-е марта въ Парижѣ было заявлено 150.000 протестовъ.

Такимъ образомъ, два класса столкнулись другъ съ другомъ; какъ бы подъ вліяніемъ волшебнаго жезла была произведена капиталистическая концентрація: на одной сторонѣ стояли консервативные капиталисты, на другой—мелкая буржуазія, разоренная, обворованная, страдающая отъ голода наравнѣ съ пролетаріатомъ.

Заговоръ реакціонеровъ.

Итакъ, въ то время, когда въ Версалѣ замышлялся настоящій монархическій заговоръ, когда толпа республиканцевъ на площади Бастиліи клялась защищать республику, національное собраніе рѣшило разоружить населеніе Парижа, захвативъ оружіе и пушки національной гвардіи, уничтоживъ солдатское жалованіе, которое давало возможность тысячамъ гражданъ не умереть съ голоду.

Такимъ образомъ, у нихъ сразу отнимали и нѣсколько су, которыя давали возможность кормиться семьямъ, и оружіе, которое должно было служить для защиты республиканскихъ учрежденій.

18-е марта.

18-го марта Тьеръ послалъ нѣсколько полковъ для обезоруженія „федералистовъ" національной гвардіи. Этими войсками командовалъ генералъ Леконтъ; не встрѣчая сопротивленія, онъ захватилъ нѣсколько пушекъ; жители, группировавшіеся вокругъ солдатъ, оставались нѣкоторое время безучастными зрителями, но толпа прибывала изъ предмѣстьевъ и все увеличивалась; народный гнѣвъ возросталъ, слышались проклятія; рабочіе подталкивали солдатъ, эти послѣдніе колебались, потомъ вдругъ картина измѣнилась: солдаты и рабочіе смѣшались въ одной братской толпѣ, никто не слушалъ приказанія начальства, и разъяренная толпа схватила генерала Леконта, который, приказавъ стрѣлять, однимъ жестомъ готовилъ смерть сотнямъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Провожая генерала Леконта въ казармы на улицѣ Розье, разъяренная толпа встрѣтила стараго генерала Клемента Тома; его узнали, кто-то крикнулъ: „Это тотъ самый, который разстрѣлялъ въ 48-омъ году сотни рабочихъ!"—и этотъ крикъ явился его смертнымъ приговоромъ; Клемента Тома тотчасъ же схватили, приставили къ стѣнѣ и разстрѣляли вмѣстѣ съ Леконтомъ.

Были ли они разстрѣляны Коммунарами? Коммуна, какъ таковая, тогда еще не существовала, и нелѣпо обвинять ее за поступки раздраженной толпы, дѣйствовавшей только подъ вліяніемъ возбужденія.

Коммуны, какъ я сказалъ, еще не было; оффиціальное правительство хотя и существовало, но не находилось больше въ Парижѣ, потому что при первыхъ слухахъ о сопротивленіи народа войскамъ, направленнымъ для его разоруженія, Тьеръ и власти бѣжали въ Версаль. 18-го марта всѣ законныя власти покинули Парижъ, а вмѣстѣ съ ними и буржуазные республиканцы; вѣрные своимъ старымъ привычкамъ, они перешли на ту сторону, которую считали болѣе сильной.

Во главѣ возстанія стояли почти исключительно, мелкая буржуазія, демократы или безсознательные соціалисты; начальники національной гвардіи образовали центральный комитетъ. У Тьера, который находился въ Версалѣ, не было войскъ, такъ какъ они были распущены и ему оставалось только выиграть время. И вотъ тогда разыгралась позорная комедія, на деталяхъ которой слѣдуетъ остановиться подробно.

19-го марта близкій другъ Тьера Сенъ-Маркъ де-Жирарденъ говорилъ: «Я видѣлъ Тьера, я не знаю, что онъ рѣшилъ, но его рѣшеніе непреклонно». То, что думалъ Тьеръ, узнали послѣ; дѣло шло о разстрѣлѣ коммунаровъ, но для этого нужно было собрать войска и выиграть время. Онъ предложилъ мэрамъ и депутатамъ Парижа вступить въ переговоры съ народомъ.

24-го марта Тьеръ писалъ адмиралу Сессэ: «Мэры Парижа обладаютъ властью, предоставьте имъ дѣлать то, что они считаютъ нужнымъ».

25-го марта мэры Парижа, съ согласія Центральнаго Комитета, назначили на 26-е марта выборы, которые *состоялись*, — на это слѣдуетъ обратить вниманіе,—*при молчаливомъ согласіи Тьера*.

Выборы Коммуны.

Въ выборахъ 26-го марта принимали участіе до 250.000 избирателей, и это обстоятельство служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что Коммуна не является результатомъ дѣятельности небольшой группы мятежниковъ. Вотирующихъ за Коммуну было столько же, сколько во время знаменитыхъ выборовъ генерала Буланже въ 1884 году.

Среди избранныхъ въ Коммуну находились люди дурные и хорошіе, много неопытныхъ и совершенно неизвѣстныхъ; на ряду съ старыми республиканцами, какъ, напримѣръ, Делеклюзъ, и убѣжденными соціалистами, какъ Бенуа Малонъ, мы видимъ людей безпартійныхъ, какъ Риго, который, по крайней мѣрѣ, реабилитировалъ себя, честно умеревъ за то дѣло, которое онъ исполнялъ.

Дни надежды.

27-го марта Коммуна была провозглашена на площади Отель-де-Вилль *); этотъ незабвенный день былъ днемъ великой радости. Элизе Реклю, на глазахъ котораго происходили эти событія, говорилъ мнѣ: „Во время кровавой недѣли я видѣлъ самыя ужасныя вещи, но, несмотря на кровь, грязь, убійства, я не могу забыть этихъ свѣтлыхъ дней,—наканунѣ великой революціи,—которые стоили жизни только двумъ человѣкамъ".

По поводу 27-го марта Жюль Валле писалъ слѣдующее:

«Какой великій день!

Тихое ясное солнце золотитъ жерла пушекъ, всюду благоуханіе цвѣтовъ, развѣвающіяся знамена; слышится гулъ революціонной толпы, когда она, воодушевленная великой идеей, спокойно и величаво движется, подобно голубой рѣкѣ, колыхаясь, сіяя, сверкая мѣдными трубами,—вотъ зрѣлище, которое наполняетъ гордостью и радостью сердца славной республиканской арміи.

«О великій Парижъ!

«Жалкіе трусы, мы хотѣли уже удалиться, считая тебя умершимъ!

«Прости насъ.

«Пусть мы будемъ еще разъ побѣждены и завтра умремъ, но наше поколѣніе будетъ счастливо!—Мы будемъ вознаграждены за двадцать лѣтъ неудачъ и страданій.

«Трубите въ трубы, бейте въ барабаны!

«Приди, товарищъ, въ мои объятія, у тебя, какъ и у меня, сѣдая голова! И ты, мальчишка, играющій позади баррикадъ, приди ко мнѣ!

*) Зданіе, гдѣ помѣщается городская дума.

«18-е марта спасло тебя, гамэнъ! Тебѣ пришлось бы, какъ и намъ, расти въ сырости, утопая въ грязи, обливаясь кровью, умирая отъ голода и стыда, неся невыносимую печаль.

«Все это кончилось!

«Мы проливали кровь и слезы за тебя. Ты воспользуешься нашимъ наслѣдствомъ. Дитя отчаянія, ты будешь свободный человѣкъ!»

Министры Коммуны.

Но вотъ праздество кончилось, нужно приниматься за работу, создать новое правительство! Гдѣ найти министровъ? Тьеръ находится въ Версалѣ. Старые республиканцы 48 года, радикалы, прогрессисты,—всѣ выѣхали изъ Парижа, правительство могло быть сформировано только изъ пролетаріевъ или мелкой буржуазіи; нужно признаться, что одни не обладали необходимыми способностями или имѣли сомнительную нравственность, другіе, наоборотъ, отличались большими способностями и безукоризненной честностью.

Такъ, министромъ, или, вѣрнѣе, делегатомъ Почтъ и Телеграфа былъ выбранъ Тейзъ, рабочій-рѣзчикъ; онъ организовалъ дѣло такъ удачно, что правленіе Коммуны удержало всѣ нововведенія, которыя онъ сдѣлалъ. При монетномъ дворѣ находился нашъ старый товарищъ Камелина, рабочій - бронзовщикъ, реформы котораго оказались чрезвычайно практичными.

Дѣла благотворительности были поручены другому рабочему—Трейяру, который два мѣсяца спустя, во время паденія Коммуны, былъ разстрѣлянъ версальцами. Передъ смертью онъ передалъ своей женѣ 38.000 франковъ, оставшихся въ ввѣренной ему кассѣ; и вотъ его вдова, одѣвъ въ первый разъ свой траурный нарядъ, принесла эти деньги офицеру, который разстрѣлялъ ея мужа. Вспоминая этотъ случай, не въ правѣ ли мы крикнуть: «Шапки долой, охранители порядка!»

Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія дѣло обстояло нѣсколько иначе. 19 марта одинъ честный башмачникъ, найдя открытой дверь кабинета министра, расположился тамъ самовольно.

Жюль Валле разсказываетъ, какъ, войдя въ министерство, онъ увидалъ нашего башмачника за работой, экзекуторы съ большими серебряными цѣпями на шеѣ помогали ему. Министръ, увидавъ Валле, сказалъ одному изъ нихъ: «послушай, товарищъ, сходи-ка въ колбасную, напротивъ, да купи на 6 су свиной головы, мы позавтракаемъ съ моимъ другомъ Валле».

Когда была учреждена Коммуна, то выбрали болѣе подходящаго делегата, а для постановки образованія правительство выработало вполнѣ законченную и совершенную программу, которая, однако, по недостатку времени осталась невыполненной.

Финансы Коммуны.

Теперь я хочу поговорить о министерствахъ финансовъ и военномъ. Какъ собственники банка, коммунары имѣли въ своемъ распоряженіи три милліарда франковъ (1 милліардъ 200 милл. руб.), на-

которыхъ 800 милліоновъ въ видѣ звонкой монеты, остальное въ цѣнныхъ бумагахъ и торговыхъ векселяхъ. На эти деньги они могли вести борьбу съ версальцами. Но эти, такъ называемые, разбойники, бандиты, воры довольствовались переговорами съ банкомъ Франціи, даже не входя туда.

Кроткій Варленъ и честный Журдъ, делегаты министерства финансовъ, наивно обратились къ Ротшильду съ просьбой дать 1 милліонъ франковъ (400 тысячъ рублей), чтобы уплатить жалованіе солдатамъ національной гвардіи. Ротшильдъ отвѣтилъ имъ: «Одинъ милліонъ, два милліона, три милліона—сколько хотите, только не трогайте банка». Когда же на слѣдующій день три делегата явились въ банкъ, чтобы взять часть фондовыхъ денегъ, директоръ г. Руланъ сказалъ имъ:

— Я ждалъ васъ. Банкъ послѣ всякаго сверженія стараго правительства долженъ явиться на помощь новому. Я не берусь судить событія, французскій банкъ не занимается политикой; въ настоящее время вы являетесь правительствомъ. Благоволите только отмѣтить при полученіи, что эта сумма взята за счетъ города».

Въ теченіе всего трехмѣсячнаго существованія Коммуна израсходовала 46 милліоновъ. Изъ этихъ денегъ 16 милліоновъ были добыты изъ банка, остальные изъ общественныхъ учрежденій; акцизные сборы принесли до 12 милліон. Когда Карлена нашли убитымъ на улицахъ Парижа, его обыскали и нашли только чекъ на 300 франк., которые онъ долженъ былъ получить, какъ жалованіе члена Коммуны. Что касается Журда, то извѣстно, что онъ обѣдалъ въ дешевомъ ресторанѣ, его сынъ учился въ безплатной школѣ, а жена сама стирала бѣлье въ городской общественной прачечной.

Ошибки.

Поговоримъ теперь о делегатахъ военнаго вѣдомства. Нужно признаться, что никогда еще защита города не велась такими неопытными людьми. Среди генераловъ Коммуны, на ряду съ нѣкоторыми умершими героями, было много жалкихъ и трусливыхъ воиновъ, которые пьянствовали въ то время, когда другіе шли на смерть.

Реклю разсказывалъ мнѣ, что въ первые дни Коммуны нѣсколько баталіоновъ, подъ предводительствомъ Дюваля, должны были завладѣть площадью Шатійонъ. Федералисты стояли на площади Отель-де-Вилль, дрожа отъ холода подъ проливнымъ дождемъ, а изъ оконъ неслись звуки пѣсни, распѣваемой во все горло офицерами:

«Выпьемъ, выпьемъ, выпьемъ за міровую свободу».

Генералъ Дюваль былъ одинъ изъ тѣхъ, которые умерли съ честью. Во время первой стычки онъ былъ арестованъ и на вопросъ Винуа: «Что вы сдѣлали бы со мной, если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ?» — отвѣтилъ: «Я приказалъ бы васъ разстрѣлять».— «Вы произнесли свой приговоръ», —замѣтилъ Винуа, и генералъ Дюваль былъ разстрѣлянъ. Реклю разсказывалъ мнѣ, что плѣнники, которыхъ отправили въ Версаль, какъ каторжниковъ, со связанными па-

задъ руками, должны были проходить передъ офицерами и знатными дамами, которыя издѣвались надъ ними и били ихъ своими зонтами.

Агонія Парижа.

Въ теченіе недѣли — «кровавой недѣли», когда происходила агонія Парижа, всѣ, кто имѣлъ на ногахъ раны, на плечахъ синяки и ушибы отъ ружейныхъ прикладовъ, на рукахъ слѣды пороха, были безпощадно разстрѣляны.

Клеветники упрекаютъ Коммуну въ убійствахъ заложниковъ, но все это происходило уже послѣ паденія правительства Коммуны. Но они умалчиваютъ о томъ, что парижанъ загнали въ ловушку, какъ дикихъ звѣрей, и что если Парижъ позволилъ разстрѣлять нѣсколькихъ версальцевъ, то это былъ только отвѣтъ на репрессіи. Но не будемъ забѣгать впередъ.

Версальское правительство хотѣло раздавить Парижъ, но оно не спѣшило дѣлать это, а окружало городъ медленно, но вѣрно желѣзнымъ и огненнымъ кольцомъ, которое все болѣе и болѣе суживалось. Итакъ, подобно хищнику, который, расправивъ когти, бросается на добычу, войска версальцевъ приближались, захватывая одинъ фортъ за другимъ. Вѣсть о появленіи въ городѣ „красныхъ панталонъ“ (какъ называли версальцевъ) распространилась въ то время, когда горожане мирно присутствовали на народномъ праздникѣ и когда, благодаря предательству, были открыты ворота.

Защита.

Итакъ, съ появленіемъ врага среди городскихъ стѣнъ, парижскій рабочій почувствовалъ, что, сражаясь на баррикадахъ, онъ защищаетъ свой домъ, свою жену, своихъ дѣтей; это была битва на мостовой, это было упорное сопротивленіе людей, которымъ нечего терять. На ряду съ сильными мужьями сражались ихъ неустрашимыя жены, тамъ и сямъ виднѣлись сѣдыя бороды инсургентовъ 48 года: дѣти также бросались въ толпу взрослыхъ и геройски дрались. По вычисленію Максима дю-Кама, число дѣтей, убитыхъ во время Коммуны, выражается слѣдующими цифрами:

237	дѣтей	въ	возрастѣ	до	16	лѣтъ.
230	„	„	„	„	14	„
47	„	„	„	„	13	„
21	„	„	„	„	12	„
11	„	„	„	„	11	„
4	„	„	„	„	10	„
1	„	„	„	„	8	„
1	„	„	„	„	7	„

Тотъ же самый писатель вычислилъ, что въ возстаніи участвовало отъ 12 до 13 тысячъ дѣтей, и они вносили столько дѣятельности и храбрости, что версальцамъ приходилось бороться съ удвоенной энергіей.

Были также женщины, умиравшія съ оружіемъ въ рукахъ; зна-

ненптый батальонъ парижанокъ на площади Бланшъ состоялъ изъ 120 вооруженныхъ женщинъ, на площади Бастиліи ихъ осталось только 50. Эти женщины, съ цвѣтами бѣлыхъ лилій за корсажемъ, дрались, какъ фуріи, по цѣлымъ днямъ, мстя за братьевъ, мужей, жениховъ, и на улицахъ Парижа, въ водосточныхъ канавахъ, красныхъ отъ крови, виднѣлись тѣла въ юбкахъ, съ длинными волосами, сраженныя пулями версальцевъ.

Эти героини боролись до послѣдняго дня, получая свою долю патроновъ, и только одинъ Максимъ дю-Камъ, какъ шакалъ, осмѣлился совершить гнусное дѣло: онъ оклеветалъ этихъ женщинъ, назвавъ ихъ проститутками, а дѣтей—порочными мальчишками, сѣменемъ бандитовъ и, по его мнѣнію, версальцы сдѣлали доброе дѣло, уничтоживъ ихъ.

Это была низкая клевета. Да, конечно, среди этихъ борцовъ, на ряду съ честными, были развратныя женщины Допустимъ даже, что всѣ онѣ были проститутками, всѣ эти дѣти—мальчишки, испорченные тюрьмой; но не будетъ ли это обстоятельство служить лучшимъ обвиненіемъ противъ капиталистическаго режима, который допускаетъ одно и то же тѣло служить какъ для наслажденій, такъ и въ качествѣ пушечнаго мяса? Эти женщины бросили свое презрѣніе въ лицо обществу, которое довело ихъ до нищеты и стыда!

Коммуна постановила разстрѣливать трехъ заложниковъ всякій разъ когда въ Версалѣ будетъ разстрѣлянъ одинъ коммунаръ; поэтому арестовали жандармовъ, священниковъ, одного епископа и др. Коммуна обратилась къ Тьеру съ предложеніемъ выдать единственнаго плѣнника Бланки, который былъ въ то время уже старикомъ и не могъ оказывать вліянія на ходъ возстанія, взамѣнъ она предложила 60 заложниковъ и обѣщала не производить больше арестовъ.

Тьеръ, въ рукахъ котораго находилась жизнь 60 заложниковъ, считая въ томъ числѣ и архіепископа, отвѣтилъ на это предложеніе рѣшительнымъ отказомъ.

Коммуна ни разу не привела въ исполненіе свое рѣшеніе разстрѣлять заложниковъ, когда они были разстрѣляны, Парижъ уже былъ раздавленъ, оставшись безъ руководителей, Коммуны уже не существовало. Одинъ изъ ея членовъ, Варленъ, едва не былъ растерзанъ толпой только потому, что онъ возсталъ противъ разстрѣловъ, умоляя народъ не бросать этого пятна на Коммуну.

Кого же винить въ смерти парижскаго архіепископа и 60 человѣкъ заложниковъ,—Тьера или Коммуну? Виноватъ ли Тьеръ, который могъ ихъ спасти, или Коммуна, отказавшаяся предать ихъ смерти? (Въ залѣ нѣсколько голосовъ отвѣчаютъ «Тьеръ!»).

Если бы даже Коммуна привела свой декретъ въ исполненіе, она поступила бы такъ, какъ дѣлается во время всякой войны, она поступила бы только сообразно съ обстоятельствами. И мы имѣемъ право съ гордостью заявить, что съ 18-го марта до конца мая, за все время существованія правительства Коммуны, было произнесено нѣсколько смертныхъ приговоровъ Росселемъ, бывшимъ офицеромъ, но Коммуна отказалась выполнить хотя бы одинъ изъ нихъ.

Показанія противниковъ.

Дрюмонъ, клерикалъ, директоръ газеты «Libre Parole», сравнивая революцію 93 года съ Коммуной, говоритъ, что революція становится менье кровавой, когда въ ней участвуютъ рабочіе. Онъ пишетъ по поводу Коммуны: «Особенно жестоко проявила себя буржуазія, народъ же среди этого ужаснаго кризиса оказался наиболѣе гуманнымъ.

Прибавимъ еще, что большая часть рабочихъ, которые занимали въ Коммунѣ первыя мѣста, были люди въ высшей степени благородные и съ большимъ достоинствомъ возвратились къ своимъ занятіямъ. Многіе изъ этихъ людей, въ рукахъ которыхъ находился весь Парижъ, спокойно и просто взялись снова за свое ремесло».

Репрессіи.

Когда версальцы вступили въ Парижъ, они устроили настоящую бойню, самую ужасную въ 19 вѣкѣ. Историки Коммуны говорятъ, что 30 или 40 тысячъ были разстрѣляны. Макъ-Магонъ опредѣляетъ это число въ 15000, генералъ Аппертъ—много больше. Кладбища были переполнены, тѣла складывали въ кучи на свободныхъ участкахъ земли, бросали въ рѣку, нагромождали въ пустыя каменоломни.

Армія захватила 40000 плѣнниковъ; изъ нихъ 28000 подверглись изгнанію. Въ нѣкоторыхъ ремеслахъ число погибшихъ при репрессіяхъ достигло колоссальныхъ размѣровъ. Среди столяровъ, выполняющихъ работы изъ краснаго дерева, оно равнялось 24%, у портныхъ 30%, у ткачей 40%.

Бѣднѣйшія мастерскія пострадали менѣе всѣхъ, такъ какъ у нихъ сопротивленіе было особенно.

Итакъ, мы видѣли съ одной стороны 60 заложниковъ, лишенныхъ жизни независимо отъ Коммуны, съ другой—30000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей, разстрѣлянныхъ безъ пощады. И эти убійцы считаютъ насъ преступниками.

Это все равно, если бы какой-нибудь преступникъ началъ проклинать трупъ своей жертвы за нѣсколько царапинъ, полученныхъ во время совершенія этого преступленія.

Побѣдители Коммуны.

Дрюмонъ даетъ слѣдующую характеристику вожаковъ консервативной партіи, которая боролась противъ Коммуны.

«Исторія долго будетъ помнить репрессіи по отношенію къ Коммунѣ, потому что онѣ даютъ цѣльное показаніе духовнаго банкротства и полнаго отсутствія здраваго смысла у вожаковъ консервативной партіи; они не понимали назначенія государства и не обладали ни энергіей, ни справедливостью, ни жалостью; они бѣгутъ, какъ трусы, или разстрѣливаютъ людей, какъ звѣри, не отдавая себѣ отчета, почему они дѣлаютъ то или другое. Транспорты плѣнныхъ перево-

зимыхъ по желѣзной дорогѣ, чтобы уменьшить расходы и ускорить доставку, заставляютъ вспомнить сцены изъ временъ варваровъ, передвиженіе плѣнныхъ кимвровъ и тевтоновъ, описанное Теофиломъ Готье и Полемъ Санъ-Викторъ.

Поджоги Парижа.

Я не задаюсь цѣлью въ нѣсколькихъ бѣглыхъ чертахъ парисовать всю исторію Коммуны, но я хочу еще остановиться на нѣкоторыхъ обвиненіяхъ, до сихъ поръ бросаемыхъ въ лицо коммунарамъ.

Поговоримъ сначала о пожарахъ. Когда версальцы проливали потоки крови на улицахъ Парижа, въ различныхъ частяхъ города вспыхнули пожары горѣли Пале-Рояль, Отель-де-Вилль, Тюльери!

Европа неоднократно задавала вопросъ почему произошли пожары? Вѣроятно, на этотъ вопросъ никогда не удается дать вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ. Извѣстно лишь то, что въ теченіе ужасной недѣли на улицахъ Парижа появились правительственные агенты; въ мѣстахъ пожаровъ видали подобныхъ господъ, которые одинаково извѣстны и въ нашей странѣ.

Ихъ находили также въ толпѣ при совершеніи казни. Вотъ характерный разговоръ между Кальманомъ и Оливье-де-Валтвиль, который хотѣлъ арестовать одного изъ такихъ подозрительныхъ субъектовъ.

— Это нашъ агентъ, освободите его!

— Но онъ разстрѣлялъ 14 національныхъ гвардейцевъ, бѣжавшихъ изъ Коммуны.

— Это для того, чтобы лучше скрыть свои слѣды!

Не правда ли, это весьма утѣшительно для семействъ погибшихъ коммунаровъ! Для нихъ существуетъ еще другое утѣшеніе: человѣкъ, который разстрѣлялъ невинныхъ только для того, чтобы скрыть свое ремесло шпіона, былъ награжденъ орденомъ Почетнаго Легіона и его имя красовалось въ спискѣ на ряду съ именами солдатъ и офицеровъ, получившихъ этотъ крестъ за отличіе на полѣ битвы.

Я совсѣмъ не думаю отрицать, что многія зданія были подожжены сторонниками Коммуны; всѣ знали въ это время о запискѣ за подписью Феррэ, на которой значилось: «Поджигайте министерство финансовъ» *).

Но, оцѣнивая это печальное явленіе, не слѣдуетъ забывать, что виновникомъ этой ужасной драмы явилась экзальтированная толпа, загипнотизированная воспоминаніями о бывшихъ событіяхъ. Жюль Симонъ во время осады, обѣдая совершенно спокойно съ Тэномъ въ ресторанѣ, писалъ: «Будемъ бороться до смерти, и, если явится необходимость, сожжемъ Парижъ, какъ это было въ Москвѣ, но не дадимъ его пруссакамъ!» Кто знаетъ, быть-можетъ, эти слова и послужили искрой.

---

*) Эта записка, по послѣднимъ изслѣдованіямъ, оказалась провокаторскимъ пріемомъ, употребленнымъ однимъ изъ версальскихъ агентовъ. (Примѣчаніе переводчика)

Сожжемъ Парижъ! Когда во имя патріотизма призываютъ къ такимъ дѣйствіямъ, это считается героизмомъ, но когда къ нимъ зоветъ «сволочь», защищая республику, то этотъ поступокъ называется уже не героическимъ и великимъ, а преступнымъ и чудовищнымъ.

Вы просто фарисеи, если считаете себя патріотами-героями, поджигая свой городъ, чтобы не допустить въ него враговъ, и видите въ этомъ актѣ преступленіе, когда онъ совершается народомъ при столкновеніяхъ съ врагами республики.

Колоніальныя арміи поступали еще хуже, чѣмъ парижская толпа; въ Китаѣ онѣ грабили, разрушали, жгли, разстрѣливали и насильничали съ разрѣшенія своего начальства и съ согласія администраціи.

И эти вандалы, эти грабители смѣютъ возмущаться поджогами Парижа во время Коммуны.

Програма Коммуны.

Взглянемъ хладнокровно на событія. Однажды въ палатѣ депутатовъ Шоллеръ прочелъ програму Коммуны, надѣясь устрашить присутствующихъ.

Во время этого чтенія, по мѣрѣ того, какъ программа все болѣе и болѣе выяснялась, въ собраніи происходило странное явленіе. Депутаты правой начали переглядываться между собой, ихъ физіономіи изображали глубокое изумленіе: «но, вѣдь, это просто программа соціалистовъ и даже программа прогрессистовъ!»,—думали они.

Програма Коммуны провозглашаетъ автономію Коммуны, отдѣленіе церкви отъ государства, государственную защиту и передачу брошенныхъ мастерскихъ, реорганизацію благотворительности и т. д. и т. д.

Одинъ депутатъ правой, разсказывая мнѣ послѣ засѣданія о своемъ товарищѣ, который читалъ програму Коммуны, сказалъ: «Этотъ Шоллеръ сумасшедшій! За какимъ чортомъ прочелъ онъ это! На что понадобилось опубликовывать такую плохую и умѣренную программу?».

Правительство Коммуны состояло изъ соціалистическаго меньшинства и якобинскаго большинства стараго типа. Оно было исполнено благихъ намѣреній, его декреты были безукоризнены, но тѣ, которые должны были провести ихъ въ жизнь, часто были людьми совершенно неспособными.

Выводъ.

Этотъ историческій опытъ даетъ намъ важный урокъ. Предположите, что въ Шарлеруа въ 1886 году восторжествовали возставшіе, что рабочій классъ, почти неорганизованный, не имѣя руководителей, добился побѣды. Вполнѣ ясно, что безъ достаточнаго развитія, необходимаго для того, чтобы воспользоваться побѣдой, этотъ плебсъ послѣ своей кратковременной побѣды будетъ скоро раздавленъ.

Значитъ, вамъ, товарищи, нужно организоваться для будущей борьбы.

Соціализмъ долженъ произвести революцію не только въ области экономической, но и въ области интеллекта и нравственности.

Торжественно этой болѣе или менѣе близкой революціи зависитъ отъ вашей энергіи, настойчивости, отъ вашего тѣснаго союза съ пролетаріями всѣхъ странъ.

Безъ сомнѣнія, прежде чѣмъ будетъ достигнута побѣда, вамъ придется испытать неудачи, но исторія прошлаго показываетъ намъ, что пораженія класса, борющагося за свое освобожденіе, лишь временны.

Въ тотъ самый день, когда Коммуна закончила свое существованіе,—послѣдній день кровавой недѣли,—была Троица, католическій праздникъ, и праздникъ версальскаго правительства.

Умеръ звѣрь, а вмѣстѣ съ нимъ умерла и опасность.

Думали, что соціализмъ сраженъ на смерть, и дѣйствительно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ казался подавленнымъ не столько благодаря пораженіямъ, сколько разногласіямъ. Послѣдніе конгрессы Интернаціонала представляли печальную картину разногласій между людьми, говорящими на разныхъ языкахъ и не старающимися понять другъ друга.

Красная Троица.

Мы также имѣемъ свой Троицынъ день. Черезъ 50 дней послѣ смерти Христа, по словамъ святого писанія, апостолы получили даръ слова и заговорили на всѣхъ языкахъ, чтобы распространить радостную вѣсть.

Интернаціоналъ повторилъ это чудо. Двадцать различныхъ народовъ сошлись на этомъ конгрессѣ, явившись изъ всѣхъ странъ, начиная со степей Россіи и кончая предѣлами западной Америки.

Всѣ, однако, пришли къ общему заключенію и рѣшили послѣ дня погребенія Коммуны праздновать ближайшее 1-е мая, эту свѣтлую Пасху обновленія человѣчества.

Декларація, обращенная къ французскому народу.

(19 апрѣля 1871 года).

Въ виду печальнаго и ужаснаго конфликта, который снова подвергаетъ Парижъ ужасамъ осады и бомбардировки и несетъ погибель отъ ядеръ и митральезъ нашимъ братьямъ, женамъ и дѣтямъ, необходимо, чтобы общественное мнѣніе было единодушно и народная совѣсть была спокойна.

Необходимо, чтобы Парижъ и вся страна знала причины и цѣль совершающейся революціи. Наконецъ, необходимо, чтобы отвѣтственность за сиротъ, несчастья и страданія, свалившіяся на насъ, пали на тѣхъ, кто, измѣнивъ Франціи и отдавъ Парижъ врагу, съ слѣпымъ и жестокимъ упрямствомъ рѣшилъ уничтожить столицу, чтобы въ развалинахъ республики и свободы скрыть этихъ свидѣтелей его измѣны и преступленія.

Коммуна лишь отражаетъ и приводитъ въ исполненіе рѣшенія парижскаго населенія; она хочетъ разъяснить истинный характеръ движенія 18 марта, непонятаго, неизвѣстнаго и извращаемаго политиками, засѣдающими въ Версалѣ.

Еще разъ Парижъ трудится и страдаетъ за всю Францію, подготовляя своими битвами и жертвами ея умственное, нравственное, административное и экономическое возрожденіе, славу и благоденствіе.

Чего требуетъ Парижъ?

Признанія и укрѣпленія республики, единственной формы правленія, совмѣстимой съ правами народа и правильнымъ и свободнымъ развитіемъ общества; полной автономіи общины во всей Франціи и обезпеченія каждой изъ нихъ полныхъ правъ, а каждому французу возможности примѣнять всѣ свои способности и свои силы, какъ человѣка, гражданина и работника.

Автономія общины ограничивается лишь правомъ на такую же автономію другихъ общинъ, связанныхъ договоромъ; союзъ ихъ обезпечиваетъ единство Франціи.

Права Коммуны таковы:

Утвержденіе общиннаго бюджета, доходовъ и расходовъ; опредѣленіе и распредѣленіе налоговъ; управленіе мѣстными работами; организація судопроизводства, полиціи и образованія; управленіе имуществомъ, принадлежащимъ общинѣ.

Выборъ посредствомъ голосованія или конкурса судей и всякаго рода общинныхъ чиновниковъ, отвѣтственныхъ и постоянно контролируемыхъ и смѣняемыхъ.

Прочная гарантія свободы личности, свободы совѣсти и труда.

Постоянное вмѣшательство гражданъ въ общинныя дѣла при помощи свободнаго заявленія своихъ мнѣній, свободной защиты своихъ интересовъ; гарантія этихъ заявленій общиной—одна способна оградить и обезпечить свободу собраній и печати.

Организація городской милиціи и національной гвардіи, которыя выбираютъ своихъ начальниковъ и поддерживаютъ порядокъ въ городѣ.

Парижъ хочетъ только примѣнить на мѣстахъ тѣ же самые принципы, конечно, при условіи имѣть въ центральномъ управленіи представителей отъ федеративныхъ общинъ.

Но въ силу своей автономіи и свободы дѣйствій Парижъ оставляетъ за собой право по своему усмотрѣнію примѣнять тѣ административныя и экономическія реформы, которыхъ потребуетъ его населеніе, открывать учрежденія, способныя развивать и распространять образованіе, производство, обмѣнъ и кредитъ; дѣлать общими власть и имущество, сообразно съ требованіемъ момента, заявленіемъ заинтересованныхъ лицъ и данными опыта.

Наши враги ошибаются или обманываютъ страну, когда обвиняютъ Парижъ въ томъ, что онъ хочетъ управлять остальной частью націи и установить диктатуру, которая явится настоящимъ покушеніемъ на независимость и верховную власть остальныхъ общинъ.

Они ошибаются или обманывают страну, когда обвиняют Парижъ въ томъ, что онъ стремится къ уничтоженію единства Франціи, созданнаго революціей при одобреніи нашихъ отцовъ, явившихся на праздникъ федераціи изо всѣхъ уголковъ старой Франціи. Единство, которое до сихъ поръ давали намъ имперія, монархія и парламентъ, представляетъ деспотическую, неразумную, произвольную и тяжелую централизацію.

Политическое единство, котораго хочетъ Парижъ, представляетъ свободный союзъ всѣхъ мѣстныхъ желаній, свободное и добровольное соревнованіе всѣхъ членовъ съ цѣлью достигнуть благосостоянія, свободы и безопасности для всѣхъ.

Коммунальная революція, начавшаяся по инициативѣ народа 18 марта, открываетъ новую эру въ области опытной, положительной и научной политики.

Она представляетъ конецъ стараго клерикальнаго и правительственнаго строя, милитаризма, бюрократіи, эксплоатаціи, ажіотажа, монополій, привилегій, которыя обусловливаютъ рабство пролетаріата, несчастія и бѣдствія отечества.

Пусть же успокоится наша дорогая и великая родина, обманутая лжецами и клеветниками.

Начавшаяся между Парижемъ и Версалемъ борьба не можетъ закончиться временнымъ примиреніемъ: выходъ изъ нея только одинъ. Побѣда, благодаря неослабѣвающей энергіи національной гвардіи, останется на сторонѣ разума и справедливости.

Мы обращаемся ко всей Франціи.

Знайте, что вооруженный Парижъ такъ же спокоенъ, какъ и храбръ; онъ поддержитъ порядокъ съ энергіей, съ воодушевленіемъ; онъ пожертвуетъ собой вполнѣ сознательно; онъ вооружился лишь для борьбы за общую свободу и славу, для того, чтобы Франція могла кончить эту кровавую ссору.

Франція должна обезоружить версальцевъ, торжественно заявивъ о своей непреклонной волѣ.

Она должна воспользоваться нашей побѣдой, и поэтому ей необходимо заявить, что она солидарна съ нами, что она будетъ помогать намъ въ этой борьбѣ, которая должна кончиться торжествомъ нашей идеи или разрушеніемъ Парижа.

Что касается насъ, гражданъ Парижа, то мы поставили своей цѣлью совершить новую революцію, самую большую и полезную изъ всѣхъ, извѣстныхъ въ исторіи.

Наша обязанность бороться и побѣдить!

